

Н. И. Грачев

ИМПЕРИЯ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПТ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье обосновывается актуальность проблематики империи в контексте тенденций мирового развития, связанных с процессами глобализации и нового витка научно-технической революции. В этих условиях происходят реставрация идеи империи и реновация имперской государственности. Поскольку Россия на протяжении последних пяти столетий строилась и развивалась как империя и не утратила многих качеств имперской организации и в настоящее время, автором делается попытка выявить и раскрыть содержание государственно-правовых признаков империи как высшего состояния государственности и дать ей определение. Имперская государственность сочетает в себе особые этнокультурно-социальные, пространственные и властно-организационные качества, которые взаимно проникают, переходят друг в друга. Являясь государственно-территориальной формой существования локальной цивилизации, империя включает в себя разные страны и народы, обладающие различными статусами по отношению к ее центральной власти, что предполагает сочетание принципов унитаризма, федерализма, конфедерализма, самоуправления и децентрализации при стойкой тенденции к централизованному унитаризму в ее территориальной организации. Поэтому суверенный центр империи формирует достаточно жесткие отношения иерархической субординации по отношению к периферии при решении вопросов имперского значения и осуществляет относительно мягкую координацию всех других вопросов государственного значения. В этом проявляется основной политико-правовой признак империи — единство политического пространства и единство имперского суверенитета по отношению к внешнему миру как исключительной сферы имперского центра и международный статус империи как великой державы.

Ключевые слова: империя, государство, суверенитет, локальная цивилизация, глобализация, верховная власть, политико-территориальное устройство, форма государства, культура, территория.

N. I. Grachev

EMPIRE AS A CONTEMPORARY POLITICAL AND LEGAL CONCEPT

The article justifies the relevancy of the empire concept in the context of global development tendencies related to the globalization processes and a new phase of technological revolution. These conditions foster the restoration of the empire concept and the renovation of imperial state. Considering that during the last five centuries Russia was built and developed as an empire, and it still retains many of the empire structure features, the author makes an attempt to identify and explain the state and legal attributes of an empire as the highest nationhood state and to define it. Imperial nationhood combines special ethnocultural, social, spatial and government-organizational features that interpenetrate each other and merge. Being a political and territorial existence form of a local civilization, an empire includes a set of diverse countries and nations having different statuses with respect to the central authorities, which presumes a combination of unitarianism, federalism, confederalism, self-administration and decentralization principles in the presence of a persistent tendency to centralized unitarianism in its territorial organization. That explains why an empire's sovereign center forms considerably strict hierarchical subordinate relations with provinces when solving the issues of all-empire importance and pursues relatively mild coordination over all other issues of state importance. This reveals the key political and legal attribute of an empire, i.e. the unity of political territory and the unity of empire sovereignty towards the outside world as an exclusive sphere of the empire center and international status of the empire as a great power.

Keywords: empire, state, sovereignty, local civilization, globalization, supreme authority, political and territorial order, form of government, culture, territory.

Настоящий исторический период характеризуется погружением человеческого общества в пограничную зону, которая выступает преддверием «четвертой промышленной революции» и должна привести к господству шестого технологического уклада (ТУ). Он определяется как массовое тотальное и системное развитие и применение наукоемких «высоких» технологий, что приведет к внедрению настоящих «интеллектуальных машин», которые почти полностью заменят человека в сфере малоквалифицированного и даже среднеквалифицированного, в том числе умственного, труда» [1, с. 4].

Необходимо, однако, иметь в виду, что переход к новому производственно-технологическому укладу предполагает радикальную трансформацию социальных и политических систем, идеологических парадигм, структурную перестройку общества, в т. ч. появление новых политико-правовых форм устройства социума, формирование новых общественных моделей, соответствующих новому жизненному укладу. Не случайно мировое сообщество переживает в последние десятилетия глубокий системный кризис, одним из проявлений которого является упадок национально-территориальной государственности, выступавшей в течение последних четырех столетий основной политической формой существования наций и народов. Этот кризис, локомотивом которого выступают процессы глобализации и НТР, размывает суверенитет национальных государств. Они утрачивают монополию на применение легитимного физического насилия, теряют способность к проведению необходимой экономической и социально-политической модернизации общества, становятся совершенно не способными отвечать на вызовы современности и проводить необходимые преобразования.

Но в то время, как национальные государства сползают к уровню обладания второстепенным статусом, политическая карта мира указывает на государства континентального типа, «стержневые государства», способные объединить под своей эгидой крупные географические регионы, т. е. создать новые имперские образования [2, с. 238—280]. К государствам такого типа уже в настоящее время относят Китай, военно-политическая тень которого падает если не на всю Азию, то, по

крайней мере, на ее юго-восточную часть [3, с. 312, 371—375]. В качестве кандидатов на эту роль называют Индию, Японию, Россию, Бразилию, Германию, определяя их как «дремлющие», «скрытые», «раскрывающиеся» либо «обороняющиеся» империи [4, с. 671, 672, 116—120].

О возрождении имперских традиций в новых условиях свидетельствуют тенденции развития политико-территориального устройства в современном мире, связанные с попытками создания однополярного мира на основе экономического, фи-нансового, информационного, военного и геостратегического господства США, проекты образования мирового государства и мирового правительства [5, с. 11, 12], а также глобального правления без создания такого правительства на основе деятельности сетевых структур [6]. В указанном направлении движется в последние десятилетия и развитие Европейского Союза. В его нынешнем устройстве просматриваются черты формирующейся империи, которая имеет своим истоком древние традиции Западной Римской Империи и Священной Римской Империи германской нации. В связи с этим многие аспекты «европейской идеи» и сами процессы «объединения Европы» рассматриваются в качестве «ностальгии по империи», а массовый отказ национальных государств в процессе европейской интеграции от многих важнейших атрибутов суверенности квалифицируется как «имперский ренессанс» [7, с. 205, 206].

Еще один сценарий реактуализации имперской тематики связан с предложенной еще в конце XX в. С. Хантингтоном концепцией «столкновения цивилизаций», согласно которой мир вступает в эпоху интенсивной политизации цивилизационных факторов [8]. А как известно, основной формой политического существования и развития цивилизаций выступает империя, что в ситуации дальнейшего роста межкультурной конфликтности ведет к воспроизводству элементов имперских традиций. Но если раньше империи порождали цивилизации, то теперь цивилизации, оказавшись перед лицом новых вызовов, начинают воспроизводить новые метажоцивилизационные образования имперского типа. Они, разумеется, не могут быть абсолютной копией прежних империй, но целый ряд их элементарных и статусных характеристик оказывается востребованным и

воспроизведенным в новых условиях лишь с незначительными модификациями [7, с. 29].

В этой связи большой интерес вызывает развитие отношений в рамках международной организации БРИКС, пять участников которой представляют собой пять полюсов локальных цивилизаций, их «стержневых государств», служащих центром притяжения для всех культурно-родственных стран. Бразилия представляет латиноамериканскую цивилизацию; Россия — евразийскую; Индия сама является отдельной цивилизацией, страной-континентом; Китай — тихоокеанскую или буддистско-конфуцианскую; Южно-Африканская республика претендует на представительство от еще не до конца сформировавшейся африканской. В современном мире существуют также североамериканская (США), европейская и исламская цивилизации. Но Европа, несмотря на наличие почти законченной мегафедеративной организации, обладающей практически всеми признаками государственности, все больше теряет свою геополитическую субъектность, постоянно ориентируясь во внешней политике на США. В свою очередь, исламская цивилизация не сумела пока определить для себя государства-лидера и имеет лишь рудиментарную политическую структуру.

Поэтому в настоящее время именно в формате БРИКС, под его экономической оболочкой реально прорастают контуры нового многополярного мира. В политическом отношении ему может соответствовать только мир империй — крупных макрорегиональных геополитических и военно-стратегических блоков, построенных на основе существующих локальных цивилизаций, центрами притяжения которых выступают страны БРИКС.

Таким образом, становится все очевиднее, что новый мировой порядок, на пороге которого мы находимся, — это либо мир Империи (глобальной американской или сетевой империи глобального бизнеса), либо мир империй. Тем самым и однополярность, и многополярность, как две альтернативные, но наиболее вероятные модели скорого геополитического будущего мира, несут в себе концепт империи. И сущность проблемы заключается лишь в том, будет ли этот мир представлять собой проекцию американской политической и социально-экономической системы или остальные народы и государства, объединившись по цивилизационному признаку в

региональные союзы неоимперского типа, смогут отразить удар американской империи и сохранить свою цивилизационную идентичность.

Из этого вытекает особая актуальность концепта империи для российского государства и отечественной политико-правовой науки, так как более чем очевидно, что в «дивном новом мире» однополярного глобализма России и ее народу места нет.

Во-первых, потому, что мировое государство и мировое правительство жестко элиминируют все национальное, в т. ч. и государственность. Идея однополярной глобализации основывается на приравнивании западных, особенно североамериканских ценностей, западной истории и культуры к универсальному закону бытия, попытке искусственно организовать новый мировой порядок на приоритете этих локальных исторически конкретных ценностей как всеобщих и универсальных. «Тем самым имплицитно утверждается, что ценности всех остальных народов и культур являются несовершенными, недоразвитыми, подлежащими модернизации и стандартизации по «западному образцу». Однополярная глобализация тем самым есть не что иное, как всемирная «развернутая модель западноевропейского, а точнее, англосаксонского этноцентризма, т. е. чистейшее проявление расистской идеологии» [9, с. 53].

Во-вторых, потому что вся русская история есть диалектический спор с Западом и западной культурой, борьба за отстаивание своей (подчас схватываемой лишь интуитивно) русской истины, своей мессианской идеи, своей версии «конца истории», как бы идеологически и политически это не выражалось — через московское православие, Санкт-Петербургскую светскую империю или коммунистический СССР. И сейчас, когда Запад начинает новый этап цивилизационного наступления, как никогда ясно, что России необходимо найти иной, свой, альтернативный западному путь, сохраняя тем самым себя и спасая другие народы и цивилизации от поглощения глобальной империей [9, с. 9—40].

В-третьих, Россия практически изначально, с момента объединения славянских и финно-угорских племен, была потенциально имперским государством. Фактически уже с XVI в. русское государство начинает превращаться в империю. И на протяжении всей последующей истории русский народ шел по пути политической и

пространственной интеграции, имперостроительства и континентальной цивилизационной экспансии. Не случайно британский ученый и политик Дж. Макиндер считал Россию главной сухопутной державой современности, которая наследует геополитическую миссию Рима, империям Александра Македонского и Чингиз-хана. Он называл ее «географической осью истории» и полагал, что она не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от различных и сугубо преходящих факторов [10, с. 7—30].

Россия дважды в XX в. переживала полномасштабные крушения своей государственности. И оба раза ее восстановление осуществлялось путем возрождения, пусть и в превращенных формах прежних имперских установок, методов и механизмов — иной альтернативы просто не было. Менялись идеологии, термины, внешний облик, политико-правовая оболочка российского государства, но суть, в конечном итоге, осталась прежней, имперской. Именно поэтому в настоящее время Россия вновь находится под прицелом США и их союзников, не терпящих конкуренции и претендующих на статус единственной сверхдержавы.

К сожалению, особенности типа и формы российского государства на всех этапах его существования и развития, а также процессы трансформации современной государственности осмысливаются отечественной политико-правовой наукой не в должной степени. Совершенно неудовлетворительно дело обстоит с выявлением закономерностей и тенденций развития именно современного российского государства. В отечественной теории государства и права произошел определенный застой, причиной которого являются ее несамостоятельность, следование в фарватере западноевропейской юридической идеологии, в последние десятилетия, в основном, в ее либеральной версии, что привело к неоправданному сужению самого понятия государства, фактическому отрицанию некоторых его форм, типичным примером чего является почти полное игнорирование российскими теоретиками концепта империи как особой самостоятельной и актуальной формы государства. Ни в одном из учебников по теории государства и права для студентов-

первокурсников или по проблемам теории государства и права для учащихся выпускных курсов, допущенных Министерством образования и науки РФ для обучения студентов по направлению подготовки «Юриспруденция», нет не то что главы или параграфа, но чаще всего даже самого упоминания об имперской государственности. Не находит эта проблематика своего необходимого освещения и в научной литературе. Имперский универсализм по-прежнему часто считается опасной принадлежностью прошлого, а империя рассматривается как форма государственности домодерного мира, на смену которому окончательно и бесповоротно пришло национальное государство. Между тем тенденции развития мировой политической системы свидетельствуют об обратном.

Процессы нарастающей экономической и информационной глобализации, которые носят все более объективный характер в связи с необходимостью перехода к шестому технологическому укладу, разрушают суверенную национальную государственность. Возрастающая неспособность современных государств к решению глобальных и макрорегиональных проблем и, как следствие, ослабление и утрата ими суверенитета ведут к всеобщей трансформации государственности в современном мире, видимыми признаками которой являются реновация имперских моделей политико-территориального устройства и возникновение нового вида имперского суверенитета. Исследование их природы и тенденций развития является крайне актуальным, в первую очередь, для понимания современного состояния и перспектив развития российского государства. Россия по настоящее время сохранила многие характерные элементы и черты своей имперской специфики и в последние годы все в большей степени продолжает восстанавливать их в своей внутренней организации и во внешней политике. Поэтому необходимо научное признание имперского характера российского государства и освобождение понятия империи от негативного употребления. Империя есть только лишь одна из сложносоставных форм государственного устройства, имеющая свои особенности, достоинства и недостатки. При этом, как показывает исторический опыт, развитие человеческой цивилизации и государственности в

мире на определенных этапах подводит отдельные страны и народы к необходимости создания имперских форм государственности. Империи образуются объективно исторически, а не по чьей-либо злой или доброй воле. Их строительство — вполне закономерный путь становления и развития великих держав. Это в полной мере относится и к России. Само ее существование в качестве суверенного государства уже предполагает имплантацию целого ряда имперских форм и методов в организацию ее государственного устройства. Россия представляет собой сложный многослойный объективно асимметричный этнополитический симбиоз. Она обладает огромной территорией, которая выступает одной из ключевых доминант политической и правовой культуры и ментальности ее населения. Характерной чертой организации власти и управления современной России является определенная преемственность по отношению к прежним, имперским, в т. ч. и советским организационным структурам, что лишний раз было подтверждено легкостью построения в первые сроки президентства В. В. Путина «новой властной вертикали», во многом имперской по форме и назначению. Существует и естественное пространство для расширения сферы политического влияния России — республики бывшего Советского Союза и целый ряд стран бывшего социалистического содружества. При целенаправленном формировании интеграционных процессов на этих территориях в полной мере могут быть задействованы принципы федерализма, конфедерализма, протектората, международно-правовые формы союзов и содружеств. Их использование является важным организационно-правовым инструментом для возрождения и наращивания потенциала России в качестве центра притяжения сопредельных стран и народов, а также актуализации себя в качестве системообразующего элемента при образовании нового содружества наций на евразийском пространстве.

Легко предвидеть все возможные по этому поводу возражения: наше ужасное экономическое положение, неэффективность государственного аппарата, засилье антинационального капитала и т. д. Но необходимо помнить, что исторический разворот на геополитическое расширение происходил в России в момент наибольшего сжатия — когда вермахт стоял под Москвой,

Великая армия Наполеона — в самой Москве, как польские жолнеры в 1612 г. Парадоксально, но только историческая сверхзадача — подобная построению социализма в отдельно взятой стране — оказывается для России ключом, открывающим двери к динамическому развитию. И сегодня лишь предельно выраженная претензия на статус полноценного полюса многополярного мира позволит нашей стране стать на путь «преображенного, расширенного поворачивания вспять» от той точки сжатия, которую В. В. Путин назвал «крупнейшей геополитической катастрофой века» [11] — распада СССР. Но для этого необходимо вновь объединить народы и государства евразийского пространства на основе общих ценностей и общих стратегических интересов в новую Евразийскую империю, которая в политическом отношении окажется наследницей Советского Союза (только без классово-формационной идеологии марксизма-ленинизма), как сам СССР наследовал Российской империи, Российская империя — Московскому царству, а Московское царство — сразу трем историческим и политическим субъектам — Киевско-Новгородской Руси Рюриковичей, Византийской Православной Империи и евразийской империи Чингизидов. В этой цепочке превращений легко увидеть, что гибель каждого из этих геополитических субъектов означала его возрождение в новой превращенной форме и в новом, более высоком геополитическом статусе [12, с. 340—342]. Появляясь на свет посредством исторического разрыва, часто революционного отрицания предыдущего периода, они представляют собой совершенно закономерные с точки зрения логики русской истории фазы развития территориальной организации государства и государственной власти: хотя между этими формами и фазами имеются важные содержательные различия, их базовые сущностные характеристики и организационные основания остаются практически неизменными на протяжении последних пяти столетий. Это свидетельствует о том, что российский социум, его пространственная и политическая организация обладают своей логикой развития, своей рациональностью, которая пробивает себе дорогу, несмотря на меняющиеся условия и различные факторы объективного и субъективного характера [13]. Причем, как показала историческая практика, только имперская организация российского

государства в своих различных формах и модификациях могла реально охватить пространство евразийского Хартленда, обеспечить эффективность контроля над ним и даже (в эпоху СССР, который стал пиком, высшей точкой имперской организации Евразии) придать ей глобальное измерение.

С учетом вышесказанного весьма актуальным для теории государства являются, во-первых, разработка понятия и выявление политико-правовых признаков империи, в т. ч. применительно к современным условиям эпохи научно-технической революции и глобализации. Во-вторых, — это выяснение характерных особенностей организации различных форм и модификаций российского государства как на различных этапах и фазах его исторического развития (Московское царство, Санкт-Петербургская империя, СССР), так и общих черт и признаков, присущих всем этим фазам с объяснением причин их консервации, сохранения и воспроизводства при различных условиях. И, в-третьих, определение на этой основе реального состояния и перспектив развития современного российского государства, его типа, формы, сущности, направления модернизации с позиций последних достижений философии, социологии, социальной психологии, политологии, исторической науки, культурологии, этнологии и этносоциологии, геополитики, от которых отечественная юриспруденция, плетущаяся в хвосте западной либеральной идеологии, сильно отстала за последние двадцать лет.

Разумеется, такая задача не под силу одному человеку, и мы попытаемся в данной статье дать беглый набросок только первой его части — выявлению признаков империи и определению ее понятия. При этом в отличие от попыток сделать это в философской, политологической и исторической литературе мы в данном случае обращаемся именно к значимым политико-юридическим характеристикам имперской государственности.

Во-первых, империя есть государство во всех смыслах этого слова, имеющее много общего с другими формами государства. Она обладает всеми его элементами и признаками. В своем внешнем аспекте империя имеет свою территорию, над которой осуществляет суверенитет, что дает возможность отграничить сферу ее властвования от сферы власти других

государств и противостоять им. Соответственно над ней не существует и не может стоять иное охватывающее ее более высокое политическое целое. Во внутреннем отношении она обладает собственной верховной властью, государственным аппаратом, правовой системой, казной, сложной территориальной структурой.

Почему стоит заострить внимание на этом, казалось бы, очевидном факте? Проблема носит здесь двухсторонний характер. С одной стороны, в целом ряде либеральных концепций государства под ним понимается лишь та разновидность политической организации общества, которая сложилась в Западной Европе на пороге Нового времени и несколько позже в Северной Америке и переживает сейчас серьезный кризис [14]. С другой стороны, ряд исследователей-политологов, социологов, философов — в силу специфичности характера признаков и качеств империи, отличающих ее от государства-нации, считают ее чем-то большим, чем государство [15], понимая, по-видимому, в данном случае под государством ту же самую политическую организацию европейского Нового времени. Сторонники такого взгляда оперируют аргументами не правового или даже политического, а скорее социологического и культурологического характера. При этом с их стороны не поступает никаких предложений по поводу того, в каком понятийном ряду они видят категорию «империя», отказывая ей в государственном статусе. Поэтому так важно подчеркнуть, что империя представляет собой одну из разновидностей государства, наряду с полисом, национальным государством и другими государственными формами. Она хотя и обладает существенными особенностями по сравнению с ними, является весьма специфической, но совсем не уникальной формой государства. Идея империи тесно связана с идеей государства вообще, выраженной в его целях, заключающихся в создании такого политико-право-вого единства и его внутренней упорядоченности, которые бы гарантировали свободное и независимое существование государствообразующего народа среди других наций и народов и создавали условия для обретения внешней мощи, культурного и политического роста.

Во-вторых, в отличие от других государств, которые являются формой существования отдельных наций и народов или родственных по происхождению и крови этнических групп, *империя*

часто *выступает как государственно-территориальная форма локальной цивилизации*, представляющей собой исторический организм или «исторически-культурный тип» [16], т. е. такую общность наций и народов, которая занимает определенный географический ареал, «часть света», имеет общую историю, традиции, организацию быта, менталитет, социально-нравственные ценности и установки, образ жизни и тем самым принадлежит к единой исторически сложившейся культуре и в ней существует.

Здесь, разумеется, необходимо иметь в виду, что не всякая цивилизация достигает политической формы империи и практическое сопоставление количества формально-имперской государственности с численностью существовавших и существующих цивилизаций не совпадает. Однако лишь в империи государство может дорасти до целой цивилизации, до целостного универсального политически и культурно автаркийного мира, позволяющего преодолеть как крайность государственно-правового нивелирования национальных организмов с их самобытностью и неповторимостью, так и крайность обособления и самоизоляции наций в своих этнических стандартах и границах [4, с. 116—120]. Империя выступает как универсальное, вселенское государство, преследующее цели мирового или макрорегионального господства или лидерства и обладающее некоей культурной цивилизаторской миссией (введение обычаев мира, политических, правовых, культурных, бытовых и иных стандартов и т. д.), придающих имперской власти дополнительную легитимность и оправдывающих ее существование. Объединение различных народов в рамках единой культурной парадигмы делает империю универсальным государством и позволяет ей дорасти до целостной цивилизации.

В-третьих, империя — это всегда государство с большой территорией. Пространственная величина — неотъемлемый элемент идеи и практической организации империи. «Маленькая империя есть терминологическое противоречие» [7, с. 205, 206]. «Единый этос империи означает ее безбрежность» [17, с. 125] — у нее всегда есть собственная территория, но далеко не всегда присутствуют легитимные границы. Мифологический концепт империи представляет

ее как сакральную всемирную державу. Поэтому любая империя утверждает либо пытается утвердить систему пространственной всеобщности — свое верховенство над всем окружающим (цивилизованным) миром или большим географическим регионом. Отсюда — территориальное пространство империи представляется всегда динамичным, а границы — подвижными. Большие пространства преодолеваются посредством военной силы, духовно-нравственного (морального или религиозного) и культурного превосходства, а также политического мастерства. Поэтому сердцевину имперского мифа и имперской идеологии составляет «цивилизационная ойкуменическая идея глобального государства, что априори предполагает победу организованного космоса над хаосом и соединение (присоединение) различных разделенных частей мирового пространства» [18, с. 16]. Естественно, что это пространство оказывается весьма многообразным по своим этническим, религиозным, хозяйственным и тому подобным характеристикам, в силу чего основной целью и назначением империи является упорядочение и приведение к единству этого пестрого и хаотичного многообразия, сохраняя при этом определенное своеобразие и самобытность составляющих ее частей.

В-четвертых, само территориальное пространство империи является анизотопным [15], т. е. неодинаковым, неоднородным как по своим этно-культурным и социально-экономическим свойствам, так и политико-правовым качествам и статусным характеристикам входящих в него территориальных частей. *Империя — не просто большое по своим пространственным параметрам государство, а такое, территория которого включает в себя разностатусные региональные образования, находящиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от имперской верховной власти с сохранением в некоторых случаях их политической автономии и даже собственной государственности.*

Органичное сочетание имперского универсализма в рамках сложившейся цивилизационной константы с определенной этнокультурной самостоятельностью территориальных частей империи делает не только возможным, но и необходимым

формирование внутри нее вертикально-горизонтальных и диагональных связей политико-административного характера, когда разные периферийные образования обладают по отношению к центральной власти различными правовыми статусами.

Поэтому, *в-пятых*, основополагающей чертой территориальной организации империи, отличающей ее от всех других видов государственности, является *своеобразное сочетание унитаризма, федерализма, конфедерализма, самоуправления и децентрализации*. Здесь также используется форма протектората, где имперскому центру принадлежит военное руководство и представительство в международных делах. Имеются также союзнические территории и зависимые от империи полусуверенные государственные образования с собственными правительственными органами. Империя вовсе не строится на исключительно унитарном принципе, как это иногда представляется.

В-шестых, основным направлением эволюции имперской государственности является *стойкая тенденция к централизованному унитаризму посредством использования различных промежуточных политико-правовых форм* для целого ряда или отдельных территориальных подразделений, входящих в ее состав или находящихся в орбите ее влияния — членом союзов и содружеств, государственных образований, автономий, муниципий и т. д. При этом *данная тенденция никогда не достигает своего логического завершения, оставаясь лишь парадигмальным направлением развития империи*. Попытки радикальной унитаризации и централизации политико-правового пространства «подтачивают» имперскую организацию и в конечном счете разрушают ее, что видно на примере многих империй.

В-седьмых, *суверенный центр империи*, воплощенный в имперских политических институтах, территориально, этно-социально, а следовательно, юридически, *образует автономную единицу со своим особым статусом, обладающую гегемонией или доминирующую в ней при реализации имперской власти и управления*.

Империя всегда формируется вокруг стержневого (государствообразующего, имперского) этноса (группы родственных этносов),

с которым связаны воспроизводство, продолжительность жизни и распад империи, начинающейся с обскурации имперообразующей нации. Топос, место обитания или концентрации элиты, правящего этноса (нации), становится не только суверенным центром, местом нахождения верховной власти империи, но и культурным центром, средоточием и сердцевинной всей цивилизации, Мировым градом (Рим, Константинополь, Москва). Либо такой центр замещается нацией-государством, которая концептуализируется в правовом аспекте как метрополия по отношению к колониальной периферии (Карфаген, Испания, Англия). Тем самым налицо присутствие этно-политической иерархии. Политико-правовые связи выстраиваются от правящего доминирующего этноса к «базовым союзникам» и далее — к менее полноправным в политическом отношении этносам (очень часто при сохранении формального юридического равенства). При этом на более поздних этапах существования правящий класс империи представляет, как правило, уже не чисто этническую группу, а определенную совокупность граждан, имеющих равные права (статус). Например, сословие сенаторов в Римской и Византийской империях, дворянство в России и европейских империях, янычары в Турции, номенклатура в СССР, финансовая олигархия в США и т. д. Происходит это потому, что в процессе становления империи за определяющий, доминирующий образец поведения в ней всегда берутся цивилизационно-культурные характеристики государствообразующего народа, наиболее развитого в культурном, хозяйственном, военно-техническом и иных отношениях. Его этнокультурные признаки (язык, религия, обычаи, традиции, нравы, право и др.) становятся господствующими, определяют стереотипы поведения в обществе и в конечном счете обуславливают структуру общественных отношений, экономический уклад и организацию власти и управления в государстве. Другие этносы имеют право и возможность сохранения своей культурной идентичности, однако повышение их роли и статуса в империи, их настоящее развитие в ее цивилизационной парадигме возможно лишь на основе принятия основных культурных компонентов государствообразующей, стержневой нации. С

другой стороны, эффективное имперское руководство возможно только при более или менее добровольном соучастии в осуществлении власти и управления региональных элит, что предполагает их регулярную кооптацию в центральную элиту. Одновременно последняя образует собственные «плацдармы» в периферийных нациях внутри их традиционных элит. Таким образом, имперская аристократия формируется из представителей всех наций и народностей, входящих в империю, что существенным образом влияет на устойчивость имперских государств, дает им огромные социальные ресурсы для сопротивления политическим катаклизмам и регенерации при территориальных и демографических потерях.

В-восьмых, империя всегда есть государство идеократическое (или даже теократическое), *имеющее свою систему базовых ценностей, убеждений, свою «идею-правительницу»* [19, с. 438—442], религиозную или этическую. И эта главная, доминирующая черта во многом определяет остальные особенности и характерные признаки имперской государственной организации. Так, например, основная идея и цель существования Византийской империи заключалась в том, чтобы нести Христову веру по всему миру, укреплять православную Церковь и жить по Христовым заповедям, приуготовляя народ империи к вечной жизни в Царствии Божьем [20, с. 5, 6]. Для СССР — это построение коммунистического общества как некоего прообраза рая на земле для всех трудящихся, для США — построение либерально-демократического рая если не на всем земном шаре, то для «золотого миллиарда», обитающего в пределах наиболее экономически развитых стран современного мира. Отсюда следует, что роль и назначение верховной власти империи, ее функции и полномочия, а также правовая система могут быть адекватно поняты и описаны лишь в традиционном и неотделимом от господствующей религии или идеологии понимании.

Достаточно часто в работах, посвященных империям, в качестве их необходимого признака называется унифицированное право или единая на всей территории система законодательства, обязательная для всех государственных образований, входящих в их состав. Однако на самом деле это не совсем точно. Одной из основ правовых систем большинства империй являются

различного рода договоры и соглашения, определяющие статус целого ряда территорий, входящих в их состав или находящихся в зоне их политического влияния. Уже одно это предполагает отсутствие строго унифицированного имперского права в вопросах статуса отдельных регионов, прав и обязанностей их жителей. Так, в римском праве периода поздней республики и первых веков империи действует система норм, применяемых только к римским гражданам (*cives Romani*), и право, предназначенное для лиц, не являющихся римскими гражданами, регулирующее их отношения между собой, а также между ними и римлянами (общенародное право — *jus gentium*). На территории весьма централизованной в политико-административном отношении Российской империи, кроме общегосударственного законодательства, действовало немецкое балтийское право, особое законодательство для Польши, мусульманское право в Средней Азии и некоторых других регионах. Аналогичную картину можно наблюдать и в других империях. Определенная, необходимая, насколько это возможно, степень правовой унификации или попытки достичь таковой имеют место в целом ряде империй. Но основная легитимация имперского суверенитета, верховной власти империи осуществляется не правом и носит не рациональный характер. Империя формирует свой сакральный мир — религиозный или секуляризованный, но всегда, даже в этом случае заимствующий и воспринимающий у религии ее духовную ауру и внедряющий ее в господствующую идеологию. Поэтому «практическая реализация имперской идеи никогда не совпадает с ее правовым обоснованием, факт и норма всегда существуют в разных плоскостях бытия» [18, с. 26, 27], а основным (первичным) регулятором общественных отношений являются в империи культурные принципы и нормы идеократического характера, задаваемые господствующей идеологией, причем очень часто это происходит, несмотря на наличие технически совершенной системы формального позитивного права, как это было в Римской и Византийской империях, или существует в современных США, где законодательство и правовая система в целом покоятся на протестантских религиозных принципах и вытекающей из них доктрине

либерализма [21]. Не случайно юридическую структуру имперского объединения представляли достаточно часто весьма различным образом, «но его квинтэссенцию при этом искали на уровне, не совпадающем с правовым» [18, с. 22].

В-девятых, это особенности имперского суверенитета, находящие свое проявление в способах организации и легитимации верховной власти, а также распределении суверенных правомочий между верховной властью и периферийными образованиями.

Характерной чертой имперского суверенитета является то, что он практически всегда формируется и реализуется в рамках культурно доминирующей национальной духовной и политико-правовой традиции, чьи основополагающие мировоззренческие установки воспринимаются практически всеми нациями и народами, вошедшими в империю. Это придает ее верховной власти сакральный характер даже в секуляризованном, светском обществе. Поэтому *в основании всякой имперской организации, во всяком случае в эпоху ее расцвета, находится принцип безусловного духовно-идеологического авторитета и легитимности верховной власти империи*, что позволяет ей править с минимально необходимой степенью принуждения. Родовым признаком империи становится *господство не прямых форм и методов осуществления верховной власти по отношению к значительной части периферии*. Центральная власть в империи всегда осуществляет непосредственное управление какой-то достаточно обширной частью территории, национальным ядром имперской организации и некоторыми другими региональными подразделениями. В отношении остальных территорий имперский центр осуществляет достаточно жесткий внешнеполитический, военный и финансовый контроль, определяет общее направление культурно-воспитательной политики, но вполне позволяет существовать двум значимым элементам их статуса, делающим правление ими непрямым: 1) сохранение их государственного или автономного положения в границах империи; 2) признание их формальной независимости и сложившегося здесь образа правления (организации власти и управления). В таких регионах реализация имперской власти происходит посредством автохтонных структур,

которые пользуются значительной автономией в решении дел внутреннего характера взамен выполнения ее воли в вопросах общеимперского значения.

При этом суверенный контроль верховной власти империи в международных делах и военно-политической сфере, финансовой и культурной политике (общая идеология и контроль над символами; единообразная система образования; унифицированная во многих отраслях система права; единый общегосударственный язык) совсем не обязательно предполагает формальное включение подконтрольных территорий в состав империи на правах субъекта федерации, автономии, колонии, протектората и т. д. Социалистические страны «народной демократии» не входили в состав СССР, но частью «империи Кремля» они, безусловно, являлись. То же самое можно сказать о многих союзниках США по блоку НАТО или о римских федератах эпохи республики или империи. Суверенные prerogatives имперского центра в области внешней политики и идеологии позволяют ему оказывать существенное влияние и фактически определять внутреннюю политику своих «союзников» непрямыми методами при помощи установления и направления вполне определенной программы действий. Случаи, когда империи «вынуждены прибегать к прямой военной интервенции для удержания своего контроля, были не столько апофеозами их мощи, сколько провалами их обычной политики непрямого контроля» [22, с. 4—11].

Таким образом, реализация имперского суверенитета с необходимостью предполагает достаточно жесткие отношения *иерархической субординации между верховной властью и периферийными частями империи при решении вопросов всеимперского значения и достаточно мягкую координацию при решении всех остальных или многих иных вопросов государственного характера*. Но в любом случае координация, проводимая имперским центром, носит вертикальный, императивный характер. Она выступает скорее формой, в которой происходит принятие решений, чем реальным методом определения их конкретного содержания.

В этом проявляется еще один, *десятый и основной политико-правовой признак империи — единство политического пространства и единство имперского суверенитета по*

отношению к внешнему миру как исключительной сферы деятельности имперского центра. Что касается многообразия статусов территорий, входящих в состав империи или находящихся в зоне ее влияния, как и степени их правовой и фактической самостоятельности, то они могут быть тем шире, чем более духовным (идейным, культурным, интеллектуальным, моральным) и, в некотором роде, трансцендентным характером обладает объединяющий их суверенный имперский центр, чем могущественнее его уравнивающая сила, глубинное влияние. По своей природе такая верховная власть есть самодержавие, которое понимается как «опыт постоянной самоорганизации и удерживания себя в центре мировых событий» [23, с. 77], что является программой-минимум для любой империи.

В-одиннадцатых, на международной арене империя всегда выступает как великая держава, внешний суверенитет которой, как фактический, так и юридический, не подлежит никакому сомнению. Он никогда не нуждается во внешнем признании со стороны других государств. Более того, империя сама выступает абсолютным субъектом признания или непризнания суверенитета других государств, т. е. по сути дела отношения к ним как к таковым [24, с. 11].

Державами называются такие государства, которые оказывают систематическое, регулярное влияние на политику других государств, культивируют их зависимость от себя, имеют свои сателлиты и протектораты, формируют вокруг себя коалиции для решения собственных политических задач военными и экономическими средствами [25]. Это в полной мере относилось и относится к империям на всем протяжении истории человечества. Империи всегда всеми доступными средствами для подтверждения своего статуса или расширения своего влияния стремились осуществить вторжение в дела других государств, навязать им свою волю, подавить чужие суверенные претензии, осуществить свое доминирование. Существуют три основных компонента державного превосходства — военный, экономический и культурный. Считается, что в прежние эпохи достаточно было военного превосходства (хотя оно всегда предполагало и определенную степень развитости экономики). В последнее время все больше возрастает также роль культурного фактора, но на первое место

ставят фактор экономический. Фактически же ничего принципиально не изменилось, о чем свидетельствуют примеры Сербии, Ирака, Афганистана, Ливии, события на Украине. Способность к ведению войны была и остается первейшей способностью к державному (читай — имперскому) суверенитету. При этом те государства, которым удается благодаря своему превосходству во всех компонентах державности навязывать принципы своей политики державам, называются сверхдержавами. В настоящее время на этот статус претендуют США.

На наш взгляд, указанные признаки дают уже сейчас достаточно полную картину политико-правовых свойств империи как особой формы государства и выступают как прочная основа для дальнейших исследований по имперской проблематике.

Весьма актуальным является вопрос о том, к какому элементу государственной формы принадлежит империя. Как считает И. А. Исаев, ее категория «не может быть найдена ни в разделе о формах государственного правления, ни в перечне форм государственного устройства. Не совпадая полностью ни с одной из этих категорий, империя как идеальный тип властвования вместе с тем частично присутствует в каждой из них: демонстрируя свойственную ей централизацию власти, она может напоминать диктатуру или монархию, в плане же территориального устройства и управления — федерацию или унитарную государственность» [18, с. 22].

Соглашаясь в целом с выводом ученого о своеобразии имперской формы государственности и невозможности вместить ее целиком в устоявшиеся классификации политико-правовых форм, следует все-таки заметить, что, несмотря на условность любой классификации, империя по всем своим характеристикам ближе всего стоит к формам государственного устройства. Даже особенности организации верховной власти империи и способы ее осуществления часто связаны именно с особенностями ее территориального строения, характером отношений между центральной имперской властью и периферийными разностатусными образованиями. Не вызывает сомнения, что только для имперского государственного устройства характерно уникальное сочетание элементов унитаризма, федерализма, конфедерализма, иногда развитого

муниципального строя, не сводимое ни к одному из них.

Таким образом, **империя** есть «высшее состояние государства» [26, с. 388, 389], которое выступает как политико-правовая форма локальной цивилизации, сочетает в своей организации различные принципы территориального устройства при стойкой тенденции к унитаризму, имеет идеократический характер, использует в основном методы координации и непрямого контроля по отношению к периферии, обладает абсолютным верховенством в решении вопросов внешней политики и выступает на международной арене как великая держава.

Примечания

1. Султанов Ш. Глобальная война или мировая революция? Воспоминания о будущем // Завтра. 2014. № 45.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 734, 735; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
3. Уткин А. И. Американская империя. М., 2005.
4. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб., 2005.
5. Явич Л. С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4.
6. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007; Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
7. Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
9. Дугин А. Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. М., 2014.
10. Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классики геополитики XX века. М., 2003.
11. Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg/2005/04/25/poslanie-text.html> (дата обращения: 18.12.2014).
12. Карпец В. И. Русь Меровингов и корень Рюрика. М., 2006.
13. Фурсов А. И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм (*tres-tres grand espace dans une tres-tres longue duree*) // Фурсов А. И. Русский интерес. М., 2014. С. 98—181.
14. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006.
15. Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическое понятие и политическая проблема) // Вопросы социологии. Т. 1. 1992. № 1; Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001.
16. Выражение Н. Я. Данилевского (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 85, 87—90 и след.).
17. Кольев А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005.
18. Исаев И. А. Топос и номос: пространства правопорядков. М., 2007.
19. Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
20. Величко А. М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи. М., 2008.
21. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999. С. 8; Шлезингер А. мл. Циклы американской истории. М., 1992.
22. Миллер А. И. Империя и современный мир — некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука: Современные империи: сб. науч. тр. / ред. и сост. А. И. Миллер. М., 2004.
23. Савельева М. Ю. Монархия как форма самоопределения личности. Российский опыт становления феномена «сакральное». Киев, 2007.
24. Тюгашев Е. А. Концепт империи в горизонте семиотики права // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». Т. 3. 2007. № 2.
25. Иванов В. Теория государства. М., 2010.
26. Смолин М. Б. Тайны русской империи. М., 2003.